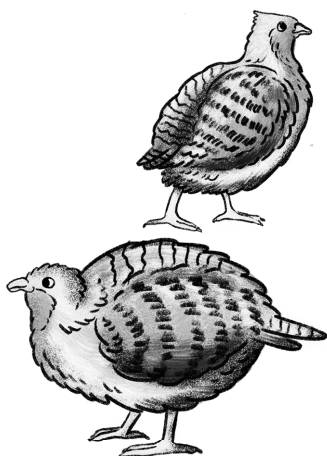
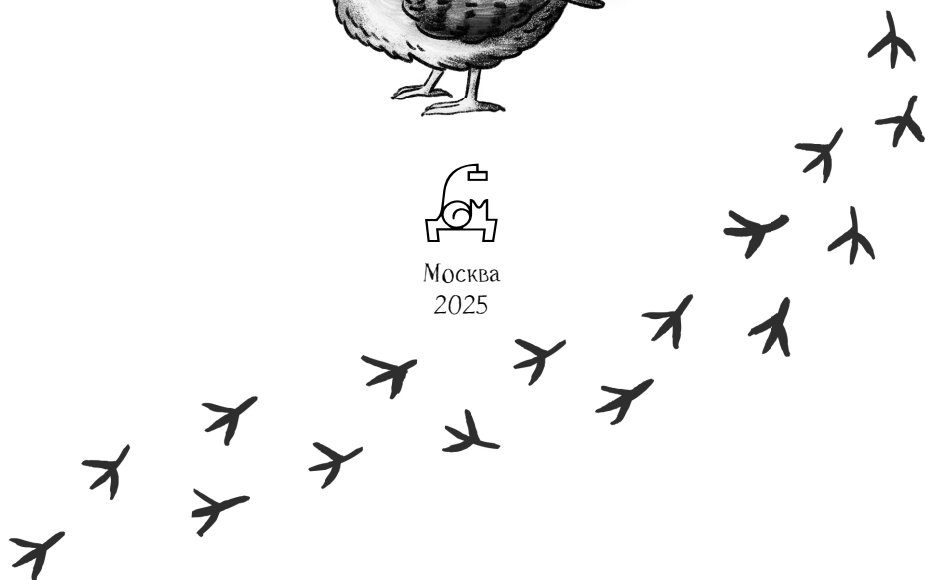

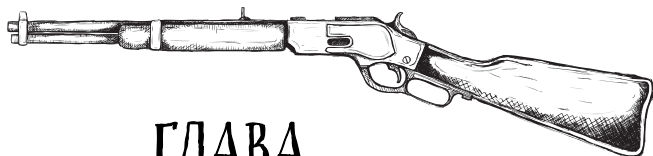
М.С. БИТОН

Смерть негодяя

Москва
2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Страна могучих кряжей горных,
Страна потоков непокорных!*

Вальтер Скотт¹

Драматург Генри Уизеринг в очередной раз уныло взглянул на величественный пейзаж и развалился на пассажирском сиденье универсала.

— Дорогая, долго нам еще ехать? — жалобно спросил он.

— Долго, — бодро ответила его невеста, Присцилла Халбертон-Смайт. — Но мы точно будем дома до темноты.

Генри подумал, что, судя по тому, какой долгой и изнурительной была дорога, они наверняка уже проехали Шотландию и выехали за полярный круг. Он вдруг понял, что слишком подавлен пейзажами и слишком удручен переменой, произошедшей

¹ «Песнь последнего менестреля». Песнь шестая. Пер. Т. Гнедич. — *Здесь и далее примечания редактора.*

из-за них в Присцилле, чтобы что-то говорить вслух, и вместо этого решил — лучше немного поспать. Долго не думая, он закрыл глаза и начал вслушиваться в гипнотическое шуршание дворников, но сон все не приходил. Шотландия зарезала весь сон.

Не то чтобы он, человек, который родился и вырос в Англии, никогда не бывал в Шотландии. Просто раньше он никогда не ездил так далеко на север.

— Небо проясняется, — раздался холодный, слегка насмешливый голос Присциллы. — Посмотри же. Пейзаж просто великолепен.

Генри неохотно открыл глаза.

Солнечный свет заливал пустынные отвесные склоны возвышающихся по обе стороны гор. Когда облака рассеялись, Генри посмотрел наверх, на величественные пики, а затем оглядел открывающуюся перед ним картину: мокрое стадо овец и мрачную вересковую пустошь.

Солнце светило все ярче, поднялся ветер. Вдоль дороги извивалась река, вода переливалась, сверкая красным и золотым. Затем пейзаж скрылся из виду, когда они въехали в горный проход. Сбоку от дороги со стороны Генри низвергался водопад, неумолимый поток ревел ему прямо в ухо, когда они проносились мимо.

Краем глаза Генри взглянул на Присциллу. Было что-то пугающее в женщинах, которые умели так хорошо водить. Они выехали из Лондона на рассвете, и все шестьсот сорок миль пути она провела,

откинувшись на спинку сиденья и расслабленно положив руки на руль. Она была одета в бежевые вельветовые брюки и кремовую шелковую блузку. Светлые волосы она убрала в хвост, крепко затянув его платком от «Эрмес». Она выглядела утонченно и элегантно. Однако Генри казалось, что чем ближе они подъезжали к дому Присциллы, тем оживленнее она становилась, будто предвкушала что-то очень увлекательное и никак не связанное с ним самим. Он привык к изящной и уступчивой «лондонской» Присцилле. После свадьбы, решил Генри, он настоит на том, чтобы она больше никогда не садилась за руль и не носила брюк. Впервые он задумался, не окажется ли Присцилла одной из тех ужасных провинциальных аристократок, которые заправляют всем в округе и выступают на открытиях всех празднеств. Он снова раздраженно закрыл глаза. Она даже не думала о нем — в этом он был уверен. Однако он ошибался.

Пока они ехали, волна радости Присциллы от того, что ее будущий муж — знаменитость, немного схлынула. Она сказала ему одеться попроще, но, как и всегда, он вырядился в пух и прах: в полосатую рубашку с белым воротником, итонский галстук, костюм, сшитый в ателье на Сэвиль-Роу, и туфли, сделанные на заказ в мастерской Джона Лобба на Сент-Джеймс. Ее мучил вопрос: что же он тогда взял с собой? Или Генри собирался смешить все Высокогорье, разгуливая по провинции разодетым словно портновский манекен?

Когда Генри попросил ее руки, Присцилла была на седьмом небе от счастья, ведь наконец она поступила так, как надо, и нашла того, кто понравится ее родителям. Полковник Халбертон-Смайт и его жена целый год возмущались, что их дочь стала журналисткой, сколько бы Присцилла ни пыталась объяснить им, что работает всего лишь помощницей редактора в отделе моды и вряд ли может назвать себя настоящей журналисткой. Родители редко навещали ее, но каждый раз притаскивали за компанию какого-нибудь «подходящего» молодого человека. Присцилла вдруг поняла, что почти ничего не знает о Генри.

Это был невысокий мужчина тридцати восьми лет, с правильными чертами лица, гладкими темными волосами и карими, почти черными глазами. Несмотря на болезненную бледность и тощие ноги, он был очень обаятелен и пользовался всеобщей популярностью.

Много лет Генри ставил в экспериментальных театрах разные пьесы, в которых, как правило, едко высмеивал правительство и церковь. Он нравился коммунистам, троцкистам, марксистам и либералам. Они нуждались в подобном стороннике, ведь он был выпускником Итона и сыном землевладельцев, который решил присоединиться к классовой борьбе. В те годы Генри носил потертые джинсы, черные свитеры и грязные кроссовки.

А потом в Лондоне состоялась премьера его новой пьесы «Герцогиня Дарлинг». Все задавались вопросом: что же нашло на Генри Уизеринга? Ведь

он написал обычную салонную комедию, в которой действие начиналось с дворецкого и служанки-кокни, обсуждающих своих хозяев. В пьесе присутствовал полный набор клише: супружеская измена, бестолковый опекун, очаровательная дебютантка, статная герцогиня и напыщенный герцог. Однако на сцену вышел звездный актерский состав в костюмах от лучших модных домов.

Прозорливый импресарио подумал, что лондонского зрителя утомили массовые беспорядки, насилие и политика и людям хочется поностальгировать. Левые газеты одна за другой выпускали хвалебные рецензии, убежденные, что Генри написал очень тонкую сатиру, которую они сами не совсем поняли, о чем и побоялись сказать. Правые же издания не спешили критиковать его, ведь на сцену вернулись легендарные актеры. Публике пьеса понравилась. Она была банальной, смешной, легкой и очень нарядной. Зрители стекались толпами. Ведь это было все равно что попасть на королевскую свадьбу. Никто не ожидал от персонажей заумных речей, они просто должны были выглядеть величественно и дорого. Успех Генри закрепился, когда левые поняли, что их любимчик переметнулся на другую сторону. Партия «Молодые коммунисты» устроила акцию протеста у театра, в результате которой пять полицейских попали в больницу, а один из членов королевской семьи даже нахмурился. Уже на следующий день все передовицы главных газет пестрили именем Генри.

Работа Присциллы в качестве помощницы редактора в основном сводилась к раскладке фотографий, просиживании в студиях и попытках засунуть модели в одежду, которая походила то ли на платье средневекового пажа, то ли на робу крестьянина с рисовых плантаций, при этом постоянно размышляя, разрешит ли ей когда-нибудь писать пожилая, но очень активная редакторша. Наконец Присцилле поручили сделать репортаж о костюмах в пьесе Генри Уизеринга. Ее пустили за кулисы и представили Генри, который тут же пригласил ее на ужин. Спустя неделю он сделал ей предложение. И сейчас, спустя еще неделю, они ехали домой к Присцилле, в Шотландию, по приглашению ее родителей, которые так обрадовались, что решили устроить домашний прием в честь новоиспеченного жениха. В свои двадцать три года Присцилла все еще была девственницей. Они целовались с Генри пять раз — этим и ограничивалась их близость. Она уже видела его в теннисных шортах — на фотографиях в светской хронике, но лично она ни разу не видела, чтобы он был одет как-то иначе, чем сейчас. «Странно, что мужчина с его прошлым всегда выглядит так, будто собрался в церковь», — подумала Присцилла. Она не знала, что наряды Генри — это своего рода театральный костюм, подчеркивающий его новый образ любимца публики.

Генри сидел рядом, угрюмо прислушиваясь к урчанию своего живота. Они пообедали в кошмарном

придорожном кафе несколько часов назад. Ему хотелось есть. Ему хотелось, чтобы эта поездка кончилась.

Присцилла аккуратно притормозила, и Генри нетерпеливо поднял взгляд.

Пастух вел стадо овец прямо по середине дороги. Он шел спокойным, неторопливым шагом и даже не взглянул на автомобиль. Генри раздраженно потянулся к рулю и громко посигналил. Овцы запаниковали и разбежались.

— Кретин! — прошипела Присцилла. Она открыла окно. — Мне очень жаль, мистер Маккей. Случайно вышло, — обратилась она к пастуху.

Пастух подошел и наклонился к окну.

— Да это же вы, мисс Халбертон-Смайт, — сказал он. — Кому как не вам-то знать, что нельзя чужих-то овец пугать.

— Простите, — извинилась Присцилла снова. — Как нога миссис Маккей?

— Лучше, говорит. У нас-то врач новый, доктор Броуди. Он-то и дал ей зеленый пузырек. Чертовски хорош, говорит.

— Мы тут весь день стоять будем? — заворчал Генри.

Пастух посмотрел на него с легким удивлением.

— Мой друг очень устал, — сказала Присцилла мистеру Маккею. — Нужно ехать дальше. Скажите миссис Маккей, что я обязательно загляну к ней на днях. — Когда они поехали дальше, Присцилла резко высказала своему спутнику: — Здесь никто и никогда не спешит. Мистер Маккей был очень огорчен.

— Не все ли равно, что думает всякая чернь?

— Они не чернь, — ответила Присцилла. — В самом деле, Генри. Ты меня поражаешь.

— Раз ты пообещала навестить миссис Маккей, ее больную ногу и зеленый пузырек, то могу предположить, что наша поездка подходит к концу.

— Осталось примерно тридцать миль.

Генри застонал.

Лорд и леди Хелмсдейл сидели на заднем сиденье своего старинного «роллс-ройса» и кричали друг на друга — так они обычно общались.

— Если бы не этот театральный писака, то я бы ни за что не принял приглашение Мэри! — заявил лорд Хелмсдейл. Под Мэри он имел в виду миссис Халбертон-Смайт.

Лорд Хелмсдейл был мужчиной маленьким и полным, с седыми волосами, аккуратно зачесанными на лысину. Его супруга же была крупной женщиной, ростом больше шести футов, с грубыми чертами лица. На ней был старый твидовый костюм и рубашка с накрахмаленным воротником, на голове красовалась шляпа без полей в бело-синий горошек. Эта шляпа очень напоминала ту, что была у ее величества во время ее последнего визита в Америку, и лорд Хелмсдейл сильно задержал выезд супругов, спросив, не рылась ли его жена снова в мусорных баках Букингемского дворца. В результате разгорелась страшная ссора. Но нет ничего более умиротворяющего, чем общая

супружеская обида, поэтому Хелмсдейлов в очередной раз сплотила неприязнь к одному из гостей Халбертон-Смайт.

Объектом их неприязни был капитан Питер Бартлетт из Горских драгунов.

— С какой стати Мэри пригласила его? — возмущенно вопрошал лорд Хелмсдейл.

— Если ты имеешь в виду Бартлетта, то бог ее знает, — проворчала его жена. — Но я знаю, что у него на уме. Бартлетт хочет первым пристрелить парочку куропаток.

Леди Хелмсдейл подолгу разговаривала с миссис Халбертон-Смайт по телефону и никогда бы не догадалась, как сильно та боится ее звонков.

— Не думаю, что будут устраивать охоту, — заметил его светлость. — Численность дичи сильно упала, и Халбертон-Смайт сказал не брать с собой ружья.

Прошлый сезон охоты на куропаток, который в Британии обычно начинается 12 августа (этот день еще называют «Славным двенадцатым») и заканчивается 10 декабря, подтвердил худшие опасения шотландских землевладельцев: дичь стремительно вымирает, а это означает скорый конец шотландской охоте на куропаток, приносящей по сто пятьдесят миллионов фунтов в год.

— Моих птиц тоже поубавилось, — ворчал лорд Хелмсдейл. — Думаю, эти зоозащитники травят их, чтобы насолить мне.

— У всех птицы вымирают, — разумно возразила его жена. — Ассоциация охотников объявила сбор

трехсот тысяч фунтов на финансирование исследований. Они обращаются ко всем землевладельцам. Ты что, не получил письмо?

— Не помню, — ответил лорд Хелмсдейл.

— Шейх Хамдан аль-Мактум уже выделил им сто тысяч.

— Мак... кто?

— Он член кабинета министров Объединенных Арабских Эмиратов. У него большое поместье в Шотландии, и ты каждый раз спрашиваешь одно и то же, когда я упоминаю его имя.

— Ну, теперь мои деньги им не понадобятся, раз они уже получили столько от него, — удовлетворенно заметил ее муж. — И все же не будем расстраиваться из-за Бартлетта. Этот писака Уизеринг чертовски умен. Сто лет не смотрел такой хорошей пьесы.

— А как приятно будет нагрубить Бартлетту, — сказала леди Хелмсдейл. — Очень приятно.

— Этот тип настоящий мерзавец.

Джессика Вильерс и Диана Брайс были лучшими подругами. Между ними завязался тот странный тип дружбы, которая обычно возникает между красавицей и дурнушкой. Диана втайне презирала мужеподобную, неказистую, похожую на лошадь Джессику, а Джессика страшно завидовала ослепительной внешности Дианы.

У родителей обеих девушек были поместья в Кейтнесе, на северо-востоке. Диана и Джессика